

История русской литературы

Александр СКИПЕРСКИХ

БОЛЬ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ

«Бунтующий человек» в текстах Ф. М. Достоевского

Аннотация. Автор акцентирует внимание на практиках насилия, осуществляемых героями Ф. Достоевского, парадоксальным образом соскальзывающих с артикуляции на собственном теле до объектов окружающего мира. С точки зрения автора, в подобной ситуации в герое конфликтуют два начала, вынуждающие самого субъекта раздваиваться. Так субъект одновременно выступает носителем черт Господа и господина.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», боль, бунт, бунтующий человек, власть, двойственность, дискурс, культура, насилие, Россия.

Александр Владимирович СКИПЕРСКИХ, доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Высшей школы экономики (Пермь). В фокусе научных интересов исследователя — проблемы политического дискурса, диспозитива власти и сопротивления, а также культурного контекста протеста. Автор ряда статей по указанной проблематике. Email: pisatels@mail.ru.

«Бунтующий человек», черты которого так тщательно прорисовываются Достоевским, наиболее очевидно демонстрирует свою парадоксальную природу в контексте насилия. Подобная объективация приводит к тому, что человек, ощущая собственную субъектность, выступает вершителем приговора другому, равно как и отмечается попытками уничтожения собственного тела, что проявляется как особая терпимость к боли.

Нас интересует в связи с Достоевским вопрос необходимости насилия, осуществляемого с особой страстностью — решительно и упоенно. Оторван ли бунтующий герой Достоевского на данный момент от русской культуры либо, наоборот, является наиболее точным ее воплощением?

Субъект у Достоевского двойственен, будучи готов в короткий промежуток времени менять режимы жизнедеятельности, которые как раз и предполагают различные этические обоснования. Субъект может быть и героическим, и бесчестным одновременно из-за «растворения этических норм» [Кашина: 86]. Субъект может действовать радикально, но это не означает, что спустя некоторое время он будет укорять себя за содеянное. Подобная маятниковость может легко обосновываться мировоззренческой системой самого субъекта бунта, его личным этическим кодексом.

Дуальность насилия, логика которого полностью зависит от самого субъекта протеста, на наш взгляд, как раз и может характеризовать русский культурный контекст бунта.

Основная идея нашей работы заключается в том, что насилие, продуцируемое субъектом протеста в русской культуре и нашедшее своих исполнителей в героях классика, может быть обращено как на *внешние цели*, так и на себя же.

С одной стороны, «бунтующий человек» живет в постоянном ощущении принадлежности собственного тела самому себе. Именно он сам является обладателем беспрекословного права на тело. Отсюда может брать свое начало экспериментаторская претензия человека. Тело пластично и способно испытывать различные модификации, движимое волей и совестью своего обладателя. Дан-

ное ощущение может легко переноситься и на другие объекты, на которые готов притязать субъект протеста. Притязанию обычно предшествует отождествление собственного субъектного начала с Божьим. Субъект протеста выступает в качестве высшей силы и готов спокойно (это вписывается в его картину мира и запросто им объясняется) распорядиться жизнью другого.

С другой стороны, «бунтующий человек» готов испытывать стыд, готов подчеркивать свою религиозность и перевоплощаться в кроткого и послушного человека. В данном случае тело ему не принадлежит и ощущаемая им боль может представляться вызванной извне. Человек представляется зависимым от воли извне, от случая, от Бога, что ограничивает его самость и склонность к независимому, «авторскому» поведению.

Постараемся проиллюстрировать нашу позицию, обращаясь к различным сюжетам из произведений классика.

Насилие, обращенное на внешние цели

«Бунтующий человек» Достоевского периодически готов смаковать страдания других. Ему может казаться, что страданиями других компенсируется то страдание, что некогда испытывал он сам. Нужно понимать, что герои Достоевского делают выбор в пользу насилия в состоянии унижения, будучи оскорбленными и подвергнувшись психологической репрессии. Конечно, нам интересен их образ и особенности повседневной жизни. Материальная культура, окружающая человека, имеет большое влияние на его волевые акты. Чем больше примеров манифестации бунта в конкретных условиях, тем больше оснований для их типологизации. Разве нельзя разглядеть в бунтарях русского классика представителей низших сословий, разночинцев, нуждающихся в деньгах, становящихся объектами насмешек и не способных ответить обидчику в непосредственный момент унижения?

Герои, прибегающие к мщению, обретают субъектную позицию. Правда, объект их унижения — они же сами, но только в тот момент, когда они испытывают подобное.

Жестокого любопытства ради они пытаются поставить других в такое же положение. Возмездие не обязательно осуществляется по принципу талиона. Возможно, те, на которых направляется насилие, никогда не заслужили бы такого наказания. Но циничность человека в его стремлении вызвать боль у найденного объекта легко подтверждают характеристики самого адресата. Как правило, выбираются те, кто оказывается в тот или иной момент слабее, нежели сам субъект бунта.

Илюшечка Снегирев из «Братьев Карамазовых», катастрофически тяжело переживая случай с унижением собственного отца, тайно проникается идеей мщения и подкидывает хлебный мякиш со вставленной внутрь булавкой собаке Жучке. Страдания живого существа вызывают у него облегчение, какую-то странную удовлетворенность. Конечно, спустя некоторое время он будет испытывать стыд за причиненное собаке зло, но нас интересует процесс работы сознания униженного человека и осуществленный им выбор, принятое им решение артикулировать боль и репрессию на беззащитном животном. Что-то подобное можно увидеть и в эпизоде, когда Илюшечка кусает за палец Алешу Карамазова.

Как понимать логику некоторых героев, спокойно творящих насилие не только в отношении других, но и с такой же уверенностью исполняющих приговор собственному телу? Чего больше в герое? Ненависти в отношении того человека, который связывается с возникновением чувства собственной униженности? Или, наоборот, отвращения к самому себе, к собственному бесправию, к своему униженному положению, приводящему в конце концов к печальному финалу?

Такой двойственностью отмечена юная героиня «Кроткой». Вспомним, как она наставляет револьвер на своего мужа. Чего больше в этом поступке? Театрализации или, наоборот, реального притязания?

Она стояла у стола и держала в руках револьвер. Она не видела, что я проснулся и гляжу. И вдруг я вижу, что она стала подвигаться ко мне с револьвером в руках. Я быстро закрыл глаза и притворился крепко спящим.

Героиня в тот самый момент будто бы ставит эксперимент над своей волей, как и позже, когда она стоит на подоконнике и выбрасывается из окна, подавленная невыносимостью бытия. Эксперимент, кажется, задумывается и как испытание Бога. В руках самоубийцы образ Богородицы. Постигание Бога оказывается непреодолимой тайной.

Зачастую объектом насилия оказываются члены семьи, что также подчеркивает стремление бунтующего человека направить насилие на внешние цели (капитан Лебядкин в «Бесах»).

Следует обратить внимание еще на один важный аспект осуществления насилия в отношении другого и причинения ему боли. На наш взгляд, этот аспект может быть связан с правом субъекта на насилие в целом, проецируясь на тексты М. Вебера, раскрывающие теорию легитимного господства.

По Веберу, легитимное господство принадлежит государству, имеющему в качестве субъекта исключительное право на насилие. Несмотря на существующие варианты господства в модели Вебера (рационально-легальное, традиционное, харизматическое), присущие, правда, в большей степени лидерскому стилю [Вебер: 646–649], все они так или иначе связаны с государством. А если еще принять во внимание, что государство, как правило, рассматривается как божественный проект, то правомочность отправления насилия и вызывания боли в теле другого становится еще более обоснованной.

Таким образом, можно выстроить следующую триаду, в которой каждый элемент правомочен осуществлять насилие: *Бог — государство — человек*.

Имею ли я право на совершение волевого акта в отношении кого-либо, наделен ли я легитимностью осуществления этого акта? Данные вопросы задаются героем Достоевского, а если аудитория и не посвящается в подобные сомнения героя, то это еще не значит, что он не может испытывать подобных сомнений.

В приведенной конструкции, если применять ее к прозе Достоевского, обнаруживается лишний элемент — государство. Человек может напрямую говорить с Богом и от его имени, и, наоборот, Бог может говорить от лица

человека, минуя государственную машину. В ней уже нет необходимости. От ее услуг можно отказаться, да и герои Достоевского, кажется, вовсе не выглядят людьми государственными.

«Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова», — заметит О. Манделъштам в «Шуме времени». Этого бывает достаточно для формирования позиции по тем или иным вопросам, касающимся собственного места в системе мира. Так и бунтующему человеку может казаться, что то знание, которым он обладает, является достаточным основанием не только для производства смыслов, но и для артикуляции насилия.

Испытываемые героем колебания по поводу необходимости совершения насилия во многом могут отражать личные метаморфозы Достоевского. Данные метаморфозы пусть и не связаны конкретно с практиками насилия, но тем не менее раскрывают сложность самой трансмиссии принятия решения. Вообще, показательно, что в качестве объекта репрессии не фигурирует государство. Это кажется несколько странным. Но есть ощущение, что бунтующий человек на уровне подсознания ненавидит его и при этом видит всю тщетность попыток сопротивления. Выбирается более слабая цель — ненависть вымещается именно на ней. Именно в этом человек раскрывает свою низость, свою слабость.

Достоевский представляется настолько двойственным, насколько бывают двойственны и его герои, постоянно находящиеся в ситуации мучительного выбора. Действительно, Достоевский представляется разным — от участия в кружке М. Буташевича-Петрашевского с вынашиванием радикальных планов по переустройству общества — до вполне спокойного, созерцательного литературства, периодически сотрясаемого азартом игрока. Личный опыт автора не может не участвовать в конструировании его героев.

Двойственность проявляется еще и в том, что человек Достоевского оказывается одновременно и определителем вины другого человека — по сути дела, судьей (совмещение с божественной функцией), и палачом — непо-

средственным исполнителем приговора, подготовленного, оправданного и согласованного с самим собою. Идея, внезапно приходящая к бунтующему человеку Достоевского, оказывается настолько сильной, что ему (человеку) не требуется ее выносить на обсуждение с другими. Бунтующему человеку не нужны присяжные, он не заинтересован в диалоге и критике затаенной идеи.

Насилие, обращенное внутрь

Насилие, направленное на внешние цели, отчасти компенсируется способностью человека вызвать боль в себе, испытать боль самому. На наш взгляд, могут быть варианты, связанные с формами испытания собственного тела. Испытанная боль может быть следствием насилия, обращенного человеком на самого себя. Или же испытанная боль может являться следствием насилия, обращенного на человека со стороны другого.

Когда мы говорим о насилии, обращенном внутрь, на себя, то предполагается, что срабатывает один из представленных выше вариантов.

Теперь очень важно определиться с причинами, вызывающими боль и провоцирующими человека на испытание болью. Мы не учитываем душевную боль, терзания, сомнения, потому как они могут быть присущи едва ли не каждому герою. Нас не интересуют такие примеры, как, скажем, ожидание возлюбленного в «Белых ночах» Достоевского и т. д. Боль должна быть исключительно физической, переживаемой физически. С определенной долей условности можно выделить четыре формы испытаний человека, на тело которого артикулируется насилие.

Боль может быть компенсацией страданий другого. Человек будто пытается самолично представить, насколько тяжело было другому. Либо даже старается превысить страдания другого, демонстрируя собственное самоотречение.

Прекрасный пример — штабс-капитан Снегирев перед Карамазовым в главе «Мальчики» «Братьев Карамазовых». Думая, что Алеша Карамазов пришел в дом Сне-

гирева для того, чтобы пожаловаться на Илюшечку и добиться его наказания, Снегирев неожиданно предлагает Алеше экзотический опыт с насилием над собой же:

— А вы думали, я высеку-с? Что я Илюшечку возьму да сейчас и высеку пред вами для вашего полного удовлетворения? Скоро вам это надо-с? — проговорил штабс-капитан, вдруг повернувшись к Алеше с таким жестом, как будто хотел на него броситься. — Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли я, прежде чем Илюшечку сечь, свои четыре пальца, сейчас же на ваших глазах, для вашего справедливого удовлетворения, вот этим самым ножом оттяпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для утоления жажды мщения-с, пятого не потребуете?.. — Он вдруг остановился и как бы задохся. Каждая черточка на его лице ходила и дергалась, глядел же с чрезвычайным вызовом.

Боль может быть экспериментом и своеобразным парии. Человек как бы доказывает, что именно он является владельцем собственного тела и только он сам уполномочен распоряжаться им по своему усмотрению. Парии заключается на испытание болью. Человек демонстративно удостоверяет своих партнеров-спорщиков в способности вытерпеть боль.

Блестящий пример — лежащий под проходящим поездом Коля Красоткин из «Братьев Карамазовых».

Другой пример — нигилист Кириллов в «Бесах». Его опыт есть попытка развенчания мифа о боязни боли, о собственном бессилии в отношении собственного тела.

— Я обязан неверие заявить, — шагал по комнате Кириллов. — Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога.

Боль может предстать страданием за собственную правду. Бунтующий человек в текстах понимает ценность правды, поэтому для него не удивительно, что правду

приходится отстаивать с риском для собственного тела. Правда здесь тесно связывается с чувством собственного достоинства, которое человек не может уронить. Борьба за правду требует не только психологической, но и физической отдачи. Поэтому такая борьба превращается еще и в испытание человеческой выносливости.

Достаточно вспомнить, как в «Братьях Карамазовых» терпел боль от укуса Алеша Карамазов или как стоически держал себя Коля Красоткин, когда тот же Илюшечка Снегирев ударил его ножом.

— Он выхватил перочинный ножик, бросился на меня и ткнул мне его в бедро, вот тут, у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбр, Карамазов, я только посмотрел с презрением, как бы говоря взглядом: «Не хочешь ли мол еще, за всю мою дружбу, так я к твоим услугам». Но он другой раз не пырнул, он не выдержал, он сам испугался, бросил ножик, заплакал в голос и пустился бежать. Я, разумеется, не фискалил и приказал всем молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказал, только когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина.

Страдание за собственную правду есть трудная борьба за сохранение собственного лица, за собственный статус, за репутацию (при этом у Алеша Карамазова свое понимание репутации, у Коли Красоткина — свое), и борьба эта сводится к известной формуле Достоевского: «Правда выше вашей боли» [Достоевский: 14].

Боль как мучительное ожидание человек может испытывать, боясь оказаться уязвленным физически. Так Верховенский осторожно вступает в темную комнату, куда зашел с револьвером Кириллов, так и герой, от лица которого ведется повествование в «Кроткой», притворясь спящим, ожидает, что его застрелит любимая жена. В принципе, герой мог бы «неожиданно» проснуться и выхватить у нее револьвер, тем самым себя обезопасив. Но его что-то сдерживает. Разве не страх? А может быть, наслаждение этическими мучениями жены?

Самоубийство в «Кроткой», скорее всего, не мимолетная идея — наоборот, оно подготовлено.

«Я думаю, много самоубийств и убийств совершилось только потому, что револьвер уже был взят в руки» («Кроткая»). Но какие терзания мог испытывать человек перед тем, как взять в руки оружие и направить его на себя?

Следует принять во внимание, что подобная терпимость к боли, а в ряде случаев даже и желание боли в отношении себя и другого, может восходить и к хлыстовству. Подтверждением того могут быть некоторые эпизоды «Хозяйки». Наша позиция усиливается обнаруженными свидетельствами интереса писателя к деятельности сект, периодически разоблачавшихся в Петербурге в 1840-х годы¹.

Двоичность бунтующего человека

Реакция на боль позволяет глубже узнать особенности национального характера, проявляющиеся у героев Достоевского. Такова, в частности, может быть «идея о страстности, крайности русского характера, которую он наблюдал в себе» [Кашина: 30]. Если предположить, что в русском национальном характере довольно сильно религиозное начало, то его амбивалентный характер становится все более очевидным. Человек перетягивается между двумя крайностями в каком-то совершенно невообразимом шпагате.

Именно здесь можно найти истоки двоичности устремлений бунтующего человека. Маятниковый характер бунта раскрывается в моментальной радикализации в отношении другого — субъект бунта приходит в ярость, когда ему нечто ставит на вид равный ему по статусу. Чувствуя свою собственную неправоту, человек возмущается, но ему не суждено ее признать. Накапливающаяся ненависть будет вымещена на более слабых — например, на семье. Радикализм чувствуется и в практиках репрессии в отношении собственного тела. Человек в то же время готов молча вы-

слушивать всякие упреки в свой адрес со стороны начальства, терпеть унижения над собственным телом. Здесь раскрывается двойственная природа насилия в целом. Человек, испытывавший его на собственном теле, будто бы стремится сбросить накопленное переживание на другое тело, заставив его испытывать такое же унижение, такую же боль.

Двоичность заключается еще и в некоторых периодах затишья человеческой активности — не знаешь, чего ожидать от бунтующего человека. Расположения? Всплеска злости? Отсюда и выходит, что герой классика — «задумчивый Некто, одной рукой глядящий голову испуганного ребенка, а другой — хлещущий по глазам “бессловесную животинку” — не символ ли это России, ее судьбы?» [Волгин: 127].

Двоичность поддерживается еще и специфическими средствами, с помощью которых боль причиняется. Оружие героев Достоевского может быть легко обращено против них самих или же направлено на окружающих, которые в их понимании концентрируют в себе их собственное унижение и отвратительную ненависть. Это и наставленный на владельца револьвер героини «Кроткой», это и нож, которым ударил Илюшечка Снегирев Красоткина. Другое оружие — другой нож — уже будет держать в своих руках штабс-капитан Снегирев и предлагать Алеше Карамазову посмотреть, как он отрежет себе четыре пальца. Человеческий палец не раз подвергается физическому воздействию в текстах Достоевского. На наш взгляд, это показывает некий минимальный порог боли, потому как палец не представляется чем-то значительным относительно самого тела, его большой массы. (Есть аналогии со сдачей анализа крови. Это, наверное, первый опыт наблюдения ребенком насилия в отношении собственного тела.)

Двойко выглядит функция оружия и в случае «Кроткой». Кажется, что револьвер должен защищать собственность владельца ссудной кассы от посягательств, но, учитывая униженность героя, испытанный стыд, неудовлетворенность собственной жизнью, можно предполагать, что перед героем периодически вырисовывается перспектива обратить револьвер против самого себя.

¹ Упоминания об этом встречаются в следующих работах: [Волгин], [Диакторская], [Эткинд].

Итак, что же представляет собой акт насилия в текстах Достоевского и как можно осмыслить причину насилия, совершаемого бунтующим человеком над другими, его апелляцию к чувству боли — либо стремление испытать боль самолично, стремление пережить страх и насилие над собственным телом, его уничтожение и презрение?

На наш взгляд, проблема снова кроется в ресентименте, в оскорбленности человека — фактической, имевшей место в истории, либо оскорбленности потаенной, переживаемой бессознательно и оттого особенно мучительно. Насильственный акт, вызывающий боль, совершается человеком оскорбленным и озлобленным, то есть подвергшимся ресентименту. Немецкий философ М. Шелер определял *ressentiment* как «душевный динамит», как глубоко запрятанное чувство злобы [Шелер: 18–19].

Т. Гарр отмечает в качестве условий бунта такие важные моменты, как снижение реальных возможностей на фоне либо сохранения, либо возрастания ожиданий [Гарр: 18]. Все это в полной мере может быть отнесено к бунтующим героям Достоевского. Обратим внимание на самого субъекта бунта. Как правило, это разночинец, человек совсем небогатый и не обладающий мощным публичным капиталом, но, кажется, по нему тоскующий, пытающийся обратить на себя внимание, страстно желающий популярности. Волевой акт разночинца, связанный с болью, будет попыткой преодолеть проблемные места своей биографии и говорить от имени всей культуры. Чем дальше, тем омерзительнее для него может быть мысль об утопичности данного проекта, тем страшнее ресентимент, тем жутче трепещет тень потенциальной жертвы и тем выше напряжение собственного тела в пугающем ожидании.

Культура вряд ли потерпит аффилирования с подобным типом, хотя «бунтующий человек» Достоевского очень сильно притязает на нее, вопреки самой культуре становясь ее лицом, ее мучительным аватаром.

«Требуется сделать так, чтоб не полковник, не городничий, но философ и гуманист представлял культуру страны», — отмечает художник М. Кантор [Кантор: 40]. Но это представляется какой-то совершенно утопической

схемой, реализуемой только в благородных, фантастических мирах.

Между тем культура создается и наслаивается многими людьми, в том числе и людьми «подпольными», людьми обиженными и беременными ресентиментом. Нужно понимать, что культура конкретной политической системы есть сумма накопленного ресентимента — производное не только счастливого, радостного опыта, но и трагедии, сумма несбывшегося. Потому продукты культуры и представляются нам такими значительными с точки зрения их исторического капитала.

Расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями, отмеченное Т. Гарром, актуализируется на протяжении всего исторического процесса, вне зависимости от типов политических режимов и форматов проводимой политики [Гарр: 51]. В России свой опыт культурного переживания. Субъект, ностальгирующий по удовлетворению какой-либо потребности, одновременно со своей грезой является еще и носителем и производителем культуры, поставщиком смыслов, кажущихся для него наиболее актуальными и выстраданными. В данном случае свой собственный волевой акт оказывается настолько принципиальным и важным, что затмевает другие акты, даже если бы они двигались коллективной волей, даже если бы они реально отражали какую-то серьезную, фундаментальную общественную потребность.

«Торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому, столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная в начале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей», — однажды отметит сам классик [Достоевский: 486]. Мысль эта есть сначала робкая, а потом — более уверенная мысль о вседозволенности.

Таким образом, в текстах Достоевского часто предстают люди, склонные к бунту, — безбожники и анархисты, люди переливчатые и потаенные, готовые казнить и милловать. Подобный парадоксальный характер последовательно раскрывается в их продуктах, которые зачастую культивируются с помощью насилия.

Насилие, как уже отмечалось нами, носит двойкий характер: оно обращено порой на внешнюю цель, порой — на самого субъекта. В данной практике можно увидеть и экспериментальный, искательский мотив. Бунтующему человеку интересно предположить, что ощущает человек в момент боли и насколько спокойно может переживаться осуществленный акт насилия самим субъектом репрессии.

И. Бунин определял эту двоичность как «провалы», свойственные русскому народу. Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминала рассуждения Бунина об этой черте, которая легко обнаруживается и в биографиях героев Достоевского: русский человек «молится, а потом может так запалить в своего бога <...> как это свойственно всем дикарям, когда бог не исполняет их желаний. Но это не мешает ему потом опять поставить его перед собой, намазать ему губы салом, кланяться» [Кузнецова: 177]. Бунтующий человек, активность которого вызвана болью, может в какой-то момент испытывать облегчение, что объективно будет возвращать его сознание в спокойное, аналитическое состояние. Тогда наступает раскаяние, ощущение собственной мерзости и уничтожение самого себя за сомнение в Боге.

Готовность самому испытывать боль, которая причинялась другому, и моментальное раскаяние становятся характерными чертами героев Достоевского, вместе с тем объясняя логику бунтующего человека в дискурсе *real politics*. Наряду с этим боль приобретает экспериментальный характер, выступая как цель и средство одновременно.

На наш взгляд, подобное объяснение может в каком-то смысле выступать ключом к пониманию мотивов бунтующего человека в русской культуре и его места в ней.

Литература

Вебер М. Избранные произведения / Перевод с нем. М. И. Левина, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

Волгин И. Родиться в России. Достоевский и современники. Жизнь в документах. М.: Книга, 1991.

Гарр Т. Почему люди бунтуют / Перевод с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2005.

Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений в 13 тт. Т. 11. Дневник писателя за 1873 и 1876 годы. М.; Л.: Госиздат, 1929.

Кантор М. Одного достаточно. М.: АСТ: Астрель, 2010.

Кашина Н. В. Эстетика Ф. М. Достоевского. М.: Высшая школа, 1975.

Кузнецова Г. Грасский дневник. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009.

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Перевод с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.

Эткинд А. Хлыст: секты, литература, революция. М.: НЛО, 2013.